

Каким бы геем он ни был, Мин Джун никак не мог считать себя женщиной. Но это было только его мнение: с тех пор как появилась Мэйса, Мин Джун жил в женском юкате. Лицо у него и без того было маленьким для мужчины, волосы он отрастил до шеи и закалывал с одной стороны за ухо, фиксируя их заколкой в форме бабочки. Кроме того, ему запретили говорить мужским тоном.

— Мама, Тома долго сидеть умеет. Смотри.

Когда Мин Джун проходил уроки этикета, Тома занимался вместе с ним. Мин Джун не мог выдержать и тридцати секунд в нужной позе, тогда как маленький Тома сидел спокойно больше десяти минут. Мин Джун с восхищением думал, что культурные различия всё-таки велики.

— Видите, Тома-сан тоже может. Мин Джун-сан тоже сможет. Ну-ка, снова прямо сядьте. Спину выпрямите, ягодички слегка коснитесь пяток.

Мэйса взмахнула длинной тонкой розгой, и Мин Джун кое-как поднялся, но ноги у него онемели так сильно, что он повалился обратно, издавая жалобные звуки, будто умирает. От этого юката распахнулась наполовину, обнажив белое бедро.

— Ай-яй, подождите... У меня ногу свело... ух.

Мин Джун повалился на пол и намоченным слюной пальцем стал касаться своего носа. Как обычно, Тома, заметив это, радостно закричал «ня-ня» и запрыгал вокруг, явно наслаждаясь происходящим. Видно было, что такое уже случалось не раз. Даже Мэйса, похоже, решила подождать, пока судорога пройдёт, и её грозное выражение лица постепенно смягчилось, когда она смотрела на эту тёплую сцену.

— Тома, в этот раз это прямо королевская судорога. Наверное, нужно звать пять кошек. Ух... правда больно.

— Ня, ня, ня, хух, ня, ня...

Тома тяжело перевёл дыхание, успев «някнуть» пять раз, и потом с разбегу рухнул рядом с Мин Джуном.

— Ня-ньи икэ ватта катта, — сказал он и разжал ладонь, показывая пальцы Мин Джуну.

— Молодец... ой, не трогай! Тома, очень больно!

Когда Тома попытался дотронуться до ноги, Мин Джун отдёрнул её, подпрыгнув от боли. Сегодня судорога дошла аж до икры и так сжала мышцу, что было мучительно.

В этот момент домой вернулись Дайки и его спутники. Проходя через большую гостиную, они увидели Мин Джуна, лежащего с обнажённым бедром, и остановились.

— Всем отвернуться. — Дайки резко бросил слова, и Рен с остальными быстро развернулись спиной. Он подошёл к Мин Джуну.

— Что опять?

— Папа! — Тома, увидев его, вскочил и подбежал. — Папа, у мамы ногу свело. Больно. Тома «ня-ня» помогал.

— Вы пришли, босс.

— Что тут происходит, старуха?

— Судорога... Если он и тридцати секунд сидеть не может, то когда же до чайной церемонии дойдём?

— Я... вообще-то кореец.

— Манера речи! — грозно оборвала его Мэйса.

Тогда Мин Джун тихо и скромно сказал:

— Эта поза слишком трудная.

— Дай-ка посмотрю.

— Нельзя! Нельзя трогать. Там так сжалось, что если надавить — я, может, умру.

— Прекрати ныть.

Дайки снял перчатки, сел перед Мин Джуном и поднял его ногу. Из рта Мин Джуна вырвался вопль, будто он умирает.

— Умираю! О боже, умираю!

Испуганный Тома всхлипнул, и Мэйса сказала: «Я выведу Тому-сана», — и, взяв мальчика за руку, вышла с ним.

— Помолчи. Здесь?

— Д-да...

Дайки пальцами нащупал на его икре зажатое место и начал массировать. Когда он стал сильнее растирать застывший узел, Мин Джун тряс головой, с трудом сдерживая боль. Не выдержав, он ударил кулаком по бедру Дайки.

— Больно! Сделайте полегче!

— Я и так аккуратно.

— Всё равно ужасно больно... ай! Не так сильно вращайте.

— Не плачь. Становится легче, чувствуешь?

— А-а... да, чувствую.

— Уже мягче стало. Так боль не такая сильная, правда?

— Да, теперь не так больно. Там... чуть-чуть ещё сделайте.

Хотя это была всего лишь разминка сведённой мышцы, диалог между ними звучал так двусмысленно, что стоявшие рядом Рен, Хакуто и Ицуки покраснели от стыда и хотели провалиться сквозь землю. Лучше бы им приказали исчезнуть.

— Сможешь встать?

Дайки запахнул распахнувшийся юката Мин Джуна, помог подняться и поддержал его за руку. Его взгляд скользнул по лицу Мин Джуна и остановился на заколке-бабочке в ухе. Его пальцы коснулись уха, нежно проведя по украшению.

— Я гей, но я не женщина.

— Знаю. Я ведь никогда не просил, чтобы ты стал настоящей женщиной.

— Я постараюсь изо всех сил ради обещания Томе, но сам своим словам не доверяю.

— В тот день рядом с тобой буду я.

От этих слов Дайки разрывавшееся сердце Мин Джуна постепенно обрело спокойствие. Дайки приподнял его лицо. Мин Джун поднялся на цыпочки в таби и подтянул губы к его губам. Тёплое дыхание Дайки щекотало кончик его носа.

— Тома-сан, нельзя!

— Не хочу. Отойди.

В тот момент вслед за приглушённым голосом послышался и скачущий, звенящий голос Томы, но губы Дайки, которые должны были вот-вот коснуться его, казались Мин Джуну столь соблазнительными, что отвернуться было почти невозможно. Лишь с трудом, обеими руками оттолкнув грудь Дайки, Мин Джун повернулся к Томе.

— Мама, мышь поймал?

— Угу, угу. Поймал.

— Теперь не больно?

— Не больно.

— Ма-ма.

Тома, которому Мин Джун в юкате казался необычным, по несколько раз на дню без всякой причины звал «маму».

— Тома, кушать будешь.

— Тома голодный. Раз уж и папа пришёл, может, пойдём есть?

— Да.

Мин Джун искоса взглянул на Дайки. Его бесстрастный, холодный взгляд сейчас казался до бесконечности сладким — Мин Джун подумал, что всему виной «бобовая шелуха» под названием «Дайки», плотно сидящая на его глазах. Он взял Тому за руку и, уняв досаду, направился в столовую.

— Шимидзу Юрия, Шимидзу Юрия... Ай, валокордин ещё не... ммф.

— Помолчи. Макияж мешаешь делать.

Сё, отвечавший в доме за кухню, прежде чем стать якудза, был парикмахером. Сейчас он занимался макияжем Мин Джуна, который дрожал всем телом, словно вибрация. А Ицуки тем временем пошёл в корейский ресторан к знакомому хозяину за успокоительным, которое Мин Джун умолял достать. В принципе, поручить это можно было и младшим, но по какой-то причине Дайки решил, что раз речь идёт о Мин Джуне, то доверить надо близкому человеку. Вот так Мин Джун и ждал Ицуки, непрестанно бормоча новое имя, чтобы не забыть его.

— Кстати, хоть тебе и двадцать два, но кожа у тебя такая, что с женщинами и не сравнить, — пробормотал Сё.

Сё был самым старшим в доме, ещё при отце Дайки состоял в организации. Поговаривали, что он и крёстный отец Дайки. Похоже, по рангу в доме он шёл сразу после Дайки. Даже сам Дайки обращался к нему уважительно. При всей своей грубой, суровой внешности, руки у него работали как у мастера искусства.

— Вы правда очень красивы, — выдохнул Синба, вызвавшийся быть помощником и стоявший рядом, раскрасневшись, не отрывая глаз от лица Мин Джуна.

Мин Джун, смутившись, прикрыл грудь руками и в шутку заметил, пытаясь хоть немного снять напряжение:

— Но это не значит, что на меня можно наброситься.

— Н-наброситься? Я, я и не думал о таком! Да меня бы босс убил.

— Думаю, скорее Дайки убьёт меня, чем тебя.

Но, подумав об этом, Мин Джун ещё больше затрясся. Одно только имя «Дайки», мелькнувшее в голове, и мысль о том, как он будет выглядеть в женском образе в его глазах, заставили его зубы невольно стучать.

— Так, готово. Вставай. Угу, и правда — волосы с лёгкими локонами, убранные за одно ухо, оказались самым верным решением. Смотрится и мило, и сексуально — прямо в стиле босса. Совет дам, слушай внимательно.

Мин Джун, сглотнув слюну, моргнул своими длинными, подчеркнутыми тушью ресницами.

— Там будет один — Таичи. Он босс, отвечает за Осаку, второй по значимости. С ним никогда не оставайся наедине. Этот тип бабник с рождения, ему всё равно — мужчина или женщина, и если босс кем-то заинтересовался, то и он обязательно заинтересуется. Берегись. Самый опасный он. Такой кимоно он в два счёта сорвёт и изнасилует.

У Мин Джуна закружилась голова, он схватился за руку Сё, еле удерживаясь на ногах.

— Мне срочно успокоительное! Я сейчас умру. Зачем вы такое говорите, мне же ещё страшнее! Если в рот руку засунуть — сердце нащупаешь.

— Соберись. Дайки ждёт. Иди.

В этот момент вбежал Ицуки, держа в руках коробочку с лекарством.

— Вот успокоительное принёс... ээ...

Коробочка выпала из его рук, прокатилась по полу и остановилась у ног Мин Джуна. Ицуки, уставившись на Мин Джуна, остолбенел, как в забытьи, а потом даже ущипнул себя за щёку.

— Если уж даёшь, то нормально дай! Я и так согнуться не могу, а ты на пол кидаешь! — возмутился Мин Джун.

Ицуки тут же подскочил, схватил коробочку, открыл и сам всыпал таблетки Мин Джуну прямо в рот.

— Ах... Почему так сердце колотится?

— Ч-что вы делаете?

Мин Джун, ошарашенный, распахнул накрашенные глаза.

— Оно у меня сейчас прямо выпрыгнет. Вот ещё одна таблетка. Её, пожалуй, боссу отдать надо.

Бормоча что-то невнятное, Ицэки протянул вторую коробочку, но Мин Джун выхватил её прямо из рук и сразу выпил.

— Ну как? Ицуки, потрясающе, правда? Сегодня будь охраной. Сопроводи босса. А там, смотри, внизу — силу держи.

— Дядя Сё! Грубость какая!

На слова Сё Мин Джун взвизгнул, а Ицуки покраснел. Оба вместе вышли из комнаты. В тяжёлом кимоно, с грацией, отточенной месяцем изнурительных тренировок, Мин Джун со спины выглядел настоящей прекрасной женщиной.

В дверь постучали. На этот раз Дайки был не в повседневном пиджаке, а в классическом строгом костюме, больше похожем на церемониальный наряд. Он выключил ноутбук и коротко сказал:

— Войдите.

Дверь открылась, и Мин Джун, немного замаявшись, вошёл, взглянув на Дайки. В тот же миг густые брови Дайки дёрнулись, а в глубине его глаз проскользнула волна. Плотные сжатые губы приоткрылись. Его взгляд не мог оторваться от Мин Джуна.

Белый шёлковый кимоно с вышитыми сакурами — упрощённая версия фурикодэ — изящно облегал худощавую фигуру Мин Джуна ростом около 170 см и красиво ниспадал до щиколоток в дзори. Розовый оби придавал объём его плоскому торсу и украшал центр наряда.

Под тяжёлым, жадным взглядом Дайки Мин Джун провёл рукой по открытому шее и натянуто улыбнулся. Дайки подошёл ближе, поднял его подбородок пальцами. За безмятежностью его взгляда пряталась мужская жажда, и сердце Мин Джуна бешено заколотилось.

— Надо бы Сё бонус выдать.

— Что это значит?

— Значит, что получилось недурно.

— Да это только потому, что основа хорошая.

— ...Поздно. Пора идти.

Сказав это чуть позже, чем следовало, Дайки обнял его за плечи и вывел из комнаты.

Сегодня и Тома был в детском кимоно, в паре с Мин Джун. Вид у него был такой милый, что от умиления и счастья само собой расплывалась улыбка. Он даже попросил, чтобы причёску сделали как у «мамы», и надел такую же заколку. И, кроме этого каприза, весь день вёл себя послушно.

Но стоило Мин Джуну взглянуть на ворота родового дома Камияма, куда они пришли, как рука, лежавшая на руке Дайки, задрожала, а лицо побледнело.

Дайки крепче сжал дрожащую ладонь. Его тепло постепенно унимало страх. Мин Джун поднял глаза на Дайки и, приподнявшись на цыпочках в дзори, прошептал ему на ухо.

Для наблюдавших это со стороны они выглядели как прекрасная пара, нежно шепчущая слова любви. Даже те, кто знал правду — Рен и остальные, — не могли не почувствовать в груди волнение. Но вскоре на виске у Дайки вздулась жилка: он сжал зубы.

— Д-дайки, как моё имя?

— .....

— Не сердись. Скажите, Шимидзу кто? Подскажите, скорее. Ну же?

Мин Джун, видя его хмурое лицо так близко, едва слышно всхлипнул. Сколько ни твердил он своё новое имя тысячу раз, сейчас оно совершенно вылетело из головы.

— Шимидзу Юрия. Ещё раз спросишь...

— Понял, понял! Больше не забуду. Шимидзу Юрия. Вот только почему оно не из трёх слогов? Моё родное имя всего из двух.

Едва державшись от ужаса, настолько, что казалось, кровь пойдёт горлом, а не потом, Мин Джун заставил себя двигаться. И, словно лань, шагнул к мрачному дому клана Камияма, готовый быть проглоченным.

В чайной комнате Шинпея, видимо, по особой просьбе Дайки собрались только трое: сам Дайки, Мин Джун и Тома.

Мин Джун всё ещё не мог поднять глаза на лицо Шинпея. Даже Дайки, когда впервые взглянул на него, был готов к смерти, так что трусливый Мин Джун никак не мог вот так просто взглянуть прямо в лицо легендарного якудза. Чтобы не потерять самообладание, он изо всех сил внушал себе: «Я не жалкий Мин Джун-трус, я — смелая женщина, завоевавшая любовь босса якудза, я — Шимидзу Юрия».

— Я Шинпей Камияма. Дед Дайки, — заговорил первым старик, но Мин Джун, дрожа, так и не поднял головы. Тогда Дайки обнял его за талию.

«Расслабься. Я ведь обещал, что буду рядом».

Его жесты словно говорили это — такие тёплые и надёжные. Мин Джун решился и поднял голову.

Он ожидал увидеть рога на лбу, а то и нечто ещё страшнее, но перед ним оказался крепкий, живой взгляд старик, больше похожий на добродушного деревенского дедушку. В этот момент Тома подбежал, потянул Мин Джуна за руку и чмокнул его в щёку.

— Мама боится, что дедушка «рррр» сделает, поэтому Тома поцеловал, — заявил малыш.

От неожиданного поступка Тома застывшие губы Мин Джуна расплылись в мягкой улыбке, и он сумел представиться:

— Ши... мидзу Юрия.

На миг он чуть не потерял сознание, но всё же завершил представление и, сложив ноги, сел по правилам. В тишине слышно было лишь, как Шинпей заваривает чай. Тома, привыкший бывать здесь, сел рядом со стариком, тоже по-взрослому, и подмигнул Мин Джуну. Тот лишь молился, чтобы его ноги выдержали хотя бы три минуты, и наблюдал, как руки Шинпея, точно создающие произведение искусства, готовят чай.

— Койтя, — произнёс Шинпей и протянул Дайки чашку, которая казалась такой грубой, что ею в Корею разве что собак поить.

Дайки принял чашку с уважением и поднёс к губам.

— Какие ощущения? — спросил Шинпей.

— Очень достойный вкус, — ответил Дайки низким голосом, как и подобает церемонии.

Мин Джун, слыша этот голос совсем рядом, почувствовал, как учащается биение сердца. Дайки, словно нарочно, протянул чашу ему. Мин Джун сглотнул слюну и, словно принимая смертельный яд, поднёс её к губам.

Хотел лишь слегка коснуться, но слишком сильно наклонил чашку и невольно сделал глоток — самого горького чая. С детства Мин Джун имел странную особенность: стоило проглотить горькое лекарство, как у него сразу текли сопля. Даже взрослым он пил лекарства только в сладком сиропе. Теперь нос уже зудел, и он поспешно опустил чашку, низко склонив голову.

Дайки поймал его взгляд и начал говорить глазами:

«Что с тобой?»

«Я выпил».

«Я же сказал — только коснись».

«Что делать, сейчас сопля потекут».

«Чёрт».

Это был немой разговор, но последнее слово прозвучало так отчётливо, что Мин Джун почти услышал его. Он сердито взглянул на Дайки. В этот момент Тома вскочил, подбежал и сунул Мин Джуну в рот что-то сладкое.

— Вкусно, — шепнул он на ухо и снова вернулся к Шинпею.

Сладкая клубничная конфета моментально перебила горечь, приятный сок стекал в горло.

— Дедушка, мама не любит горькое. Вместе с Томой любит конфетки, — заявил Тома.

— Ха-ха-ха. Ну и послушный же у нас Тома, — засмеялся Шинпей.

— Тома любит маму. И дедушку тоже любит!

Его непосредственность была словно сильное лекарство: неловкая атмосфера тут же сменилась тёплой и уютной. Настолько мил он был, что его хотелось съесть глазами. В отличие от кое-кого, кто только и шепчет «чёрт».

— Шимидзу... значит? Ты ведь знаешь, что Дайки — якудза? — вдруг резко обратился Шинпей к Мин Джуну, и его глаза блеснули опасным светом.

— Дедушка, — попытался остановить его Дайки.

— Ты помолчи.

Мин Джун впервые прямо взглянул в лицо Шинпея. В этом выражении, слегка напоминающем Дайки, читалась беспощадная решимость не терпеть ложь.

— Да, знаю, — ответил Мин Джун.

— Дайки не просто якудза. Он глава дома Камияма, сильнейшего в Токио. Он отвечает за всех. Ты понимаешь, что это значит?

— Да, понимаю.

— Ты его любишь?

— Дедушка! — вновь остановил его Дайки.

<http://bllate.org/book/12398/1105531>